

Summary

The article deals with the problem of representation the opposition and self-destruction of two identical urban toposes caused by Soviet ideology. The nature of relationships between author and the characters of T. Tolstaya's novel "Kys" generally is considered to present itself the satirical invective to the address of Socialist system resulted in personality's disorientation in the life space.

Keywords: chronotop, topos, postmodern playing, irony, trickster, satirical invective.

ІСТОРИЯ ТА ТЕОРИЯ СУЧАСНОЇ МОВОЗНАВЧОЇ НАУКИ

УДК 811.161.1–119:070.41(045)

Нетреба М.М.,

аспірант,

Київський національний педагогічний
університет ім. М.П. Драгоманова

РАЗЛИЧИЕ И СХОДСТВО ПОНЯТИЙ “МОДУС” И “МОДАЛЬНОСТЬ”

В.З. Панфилов заметил: “Пожалуй, нет другой категории, о языковой природе и составе частных значений которой высказывалось бы столько различных и противоречивых точек зрения, как о категории модальности. Большинство авторов в ее состав включаются значения, самые разнородные по своей сущности, функциональному назначению и принадлежности к уровням языковой структуры, так что при этом категория модальности лишается какой-либо определенности” [22, 37]. Еще раньше В.З. Панфилов отмечал, что в языкознании нет единого мнения по вопросу отношения модальности языковой к модальности мысли [21, 183].

Между тем термин “модальность”, так же, как и термин “модус”, заимствован лингвистикой из логики, и необходимо начать именно с того, каким образом понимается модальность в логике.

Согласно Р. Карнапу, существует шесть видов модальности мысли: возможность, необходимость, случайность, невозможность, не необходимость, не случайность [14, 259]. Из них только случайность фактична.

Релевантными для языкознания – поскольку имеют языковую категоричность – являются оппозиции возможность / невозможность, необходимость / не необходимость (для случайности языковая форма, кроме лексической, отсутствует).

Кроме логики суждения, существует и логика оценки, которая признает выделение модальности желательности [12; 13]. Эта логическая модальность тоже имеет свою языковую форму.

Таким образом, три логические модальности (если пренебречь дроблением по принципу наличия / отсутствия негации) имеют свое языковое категоричное выражение. И языковой грамматической формой этих трех логических значений – возможности, необходимости и желательности, – служит наклонение [9, 41].

Грамматическим ядром понятия “модальность” мы считаем связь значений логических модальностей с языковой формой наклонения, причем периферия

понятия “модальность языковая”, по нашему убеждению, не имеет большого радиуса своего действия. Ср.: “... она (категория наклонения) должна служить фундаментом для уточнения содержания и объема этого понятия (модальности)” [23, 30]. И, принимая во внимание существование в языке изъявительного наклонения, ядром грамматической категории модальности можно признать оппозицию “реальная модальность”: *Я читаю* / “ирреальная модальность”: *Можно читать* (возможность); *Надо читать* (необходимость); *Хочу читать* (желательность).

Дискуссии о модальности в смысле грамматической категории велись и ведутся в нескольких проблемных направлениях, и прежде всего решаются вопросы о:

1) языковой технике (способах) выражения модальных значений (в случае, если априори очерчен круг этих значений);

2) составе модальных значений, а именно: включать или нет в состав модальных значений утверждение / отрицание; повествовательность, вопросительность, побудительность; о том, насколько “модально” повелительное наклонение и т.п.

В.В. Виноградов, который ставил задачу конкретизировать понятие модальности в современном ему отечественном синтаксисе [19, 83; 30], писал о модальности, что это “... то, что сообщается, мыслится говорящим как реальное, наличное в прошлом или настоящем, как реализующееся в будущем, как желательное, требуемое от кого-нибудь, как потенциальное, как недействительное и т.п. Формы грамматического выражения такого рода отношений содержания речи к действительности и составляют синтаксическое существо категории модальности” [7, 80].

В “Грамматике русского языка” [7] модальность рассматривается как отношение действия или состояния, выраженного предложением, к действительности. Причем формами этой категории признаются формы наклонения, а логической структурой – способы связи предиката с субъектом [7]. Категория модальности входит в круг предикативности как отнесения содержания предложения к действительности, включающей, кроме модальности, время и лицо [7, 89].

В отечественной синтаксической науке к 80-м гг. XX в. сложились две основных точки зрения на модальность:

1) модальность считается грамматической категорией, характеризующей содержание предложения с позиции реальности / ирреальности;

2) модальность означает грамматикализованное отношение говорящего к действительности [23, 17]. Причем видно, что эти точки зрения смежны и непротиворечивы.

Если сопоставить такое понимание модальности с понятием “модальность-модус”, идущим от Ш. Балли, на примере анализа конкретного языкового материала, то станет очевидным их различие. Рассмотрим следующие случаи:

1) *Вот бы пошел дождь!*;

2) *Хочу дождя!*;

3) *Сколько можно вдыхать эту пыль!*

Согласно первой точки зрения, важно, что в первом примере выражается (кем бы то ни было) ирреальная модальность желательности в форме сослагательного наклонения (суффикс *-л-* + частица *бы*); во втором примере та же желательность выражается при помощи модального глагола с показателем 1-го лица и объекта-дополнения при нем в форме родительного падежа – *дождя*; в третьем примере выражается безличное отношение (грамматическая безличность находится в странном противоречии с экспрессивной интонацией!), то есть модальность возможности к объекту *пыль* в винительном падеже (возможность окрашивается в цвет нежелательности благодаря лексическим средствам и типизированности синтаксической конструкции); при этом модальности желательности, нежелательности – это категории, отвлеченные от реального чувства желания / нежелания, как бы присущие и “всем”, и “я – как – все”, и даже “присущие никому”.

Согласно второй точке зрения, важно, что все три примера способны служить языковым инструментом для конкретно представимого индивидуума, условно называемого “говорящий”, в передаче своего логико-психологического способа отношения к представлению, имеющему языковую номенклатуру “дождь”, в процессе речевого общения. Это отношение в терминах языка можно передать как “желание дождя”, а в лингвистических – “модус желательности” к объекту-представлению (диктуму) “дождь”, организованному как одноместная – примеры 1) и 3) – или двухместная – пример 2) – пропозиция (интеллектуальная модель отображения действительности в высказывании).

Синтаксические исследования модальности, естественно, не прекратились после выхода в свет “Грамматики русского языка” с концепцией В.В. Виноградова, но развивались, на наш взгляд, до середины 1990-х гг. XX в. больше экстенсивно, чем интенсивно, все шире охватывая области и уровни содержания высказывания. С появлением концепции модуса Т.В. Шмелевой [31], семантических исследований Е.В. Падучевой [20], стилистики текста Г.Я. Солганика [26], работы Г.А. Золотовой по коммуникативной грамматике [10], фундаментальной монографии А. Вежбицкой о семантических универсалиях [3] и других, – как семантические исследования вообще, так и вопрос о модусно-диктумной дихотомии в частности, на наш взгляд, приобрели яркое концептуальное направление.

Так, на примере мы показали максимальное расхождение понятий модальность и модус. Ниже будет показано сближение данных понятий как инструментов семантического анализа.

Поворот в развитии идей грамматической модальности произошел благодаря идеям Н.Ю. Шведовой об объективной и субъективной модальности, зафиксированным в академических грамматиках 1970 и 1980 гг. [8, 542–611; 24, 81–92]. Под объективной модальностью понимается отношение сообщаемого к тому или иному плану действительности, языковые формы мысли о реальном в настоящем, прошлом, будущем или ирреальном возможном, желаемом, должном или требуемом [8, 542].

Под субъективной модальностью понимается отношение говорящего к

сообщаемому (значения усиления, экспрессии, уверенности / неуверенности, согласия / несогласия и т.д.) [8, 611].

Именно в виде объективной и субъективной модальность описана в энциклопедическом лингвистическом словаре [32, 303–304], вошла в качестве предмета обучения в вузовский курс современного русского языка [25, 58–60; 17, 259] и справочники по русскому языку [18, 299].

В такой интерпретации модальность все еще отлична от модуса, поскольку это понятие полностью грамматикализовано (предполагает только грамматические средства своей экспликации, если понимать под грамматическими средствами и особые позиции лексем, например, вводных слов и частиц) и не предполагает имплицитных форм – “нулевых” позиций для выражения своих значений.

С начала 70-х гг. XX в. появляется ряд работ, в которых усматривается отождествление понятий модальность и модус, во всяком случае, многие исследователи используют термин “модальность” в описаниях, опирающихся на ономаσιологический (от значения к форме) подход к выяснению субъективных (идущих от говорящего) сторон высказывания. К таким работам можно отнести работы Е.М. Вольф [5; 6]; Е.В. Клобукова [16]; Т.Д. Дешериевой [9] и др.

Представляется вполне возможным использование терминов “модальность” и “модус” как синонимов, но есть ряд причин, которые могут этому препятствовать. Во-первых, автор термина-понятия “модус” Ш. Балли не вполне отождествлял модальность и модус: они для него синонимичны в той мере, в какой синонимичны левая и правая части арифметического равенства $1 + 1 = 2$ (“<...> выражением модальности служит модальный глагол <...>, а его субъектом – модальный субъект; оба вместе образуют модус <...>” [2, 44]), а, как известно, в лингвистике значение целого больше сумм значений составляющих.

Во-вторых, при использовании “модальности” и “модуса” в тождественном значении создаются терминологические неудобства.

В-третьих, ряд более существенных препятствий: так, до настоящего времени невозможно собрать репертуар средств выражения тех или иных модусных смыслов, поскольку в “традиции разноречивости”, то есть понятийной и терминологической неопределенности, невозможно очертить круг категорийных значений (см., например, понимание значения “оценка” в [6] и [15]: “хорошо / плохо” и “мнение” соответственно). Подход, использующий широкое понимание модальности, практически не учитывает того аспекта, который Т.В. Шмелевой [28, 173] назван метааспектом и введен в поле модуса (к примеру, В.А. Шаймиев, исследующий иллокутивные функции метатекста в духе А. Вежбицкой, описывает их именно как метатекстовые, а не модусные [27]). При понятийной синонимии или разного рода путанице в области модуса и модальности редко рассматривается имплицитное существование субъективных значений. На наш взгляд, уже сейчас можно было бы начать работать над машинными (компьютерными) программами “чтения” субъективных рамок и объективных смыслов в предложении и тексте, если бы в течение полувека не существовала досадная разногласия в понимании модальности и модуса.

Учтем и то, что на протяжении 1970–1990-х гг. XX в. в ряде работ лингвистов (особенно касающихся плана выражения того или иного содержания, например, [11; 4; 1 и др.]) по существу речь идет о той или иной стороне модуса, но терминологически те или иные смыслы-значения модусом не называются.

Все вышеизложенное приводит нас к необходимости оперировать только термином “модус” для обозначения всех сторон высказывания, даже в тех случаях, когда авторы используемой нами литературы употребляют термин “модальность”, но по существу описывают субъективную сторону высказывания: субъективные значения и средства выражения этих значений; пользуются терминами “модус” и “модальность” как синонимами; по существу пишут о модусе, но не употребляют этого термина.

Наконец, необходимо вернуться к противопоставлению терминов-понятий “модальность” – “модус”, поскольку, вслед за Т.В. Шмелевой, мы будем использовать их в определенном соотношении.

Модус высказывания в концепции Т.В. Шмелевой состоит из двух блоков категорий:

1) метакатегорий, которые “обеспечивают осмысление высказывания относительно условий и условностей общения” [29, 27];

2) семантических модусных категорий, представленных тремя группами:

а) актуализационными категориями, служащими для обозначения того, как “сообщаемое в диктуме относится к действительности” [29, 30];

б) кваликативными категориями, выражающими рефлексии автора относительно своего или чужого сообщения с позиции источника информации (авторизация), ее достоверного или недостоверного характера (персуазивность) и позитивного / негативного отношения к диктуму (оценочность) [29, 32];

в) социальными категориями, отражающими демонстрируемые ритуально (конвенционально) социальные отношения [29, 35–36].

Группа актуализационных категорий, по Т.В. Шмелевой, включает в себя отношение диктума и координат “лицо”, “модальность”, “время”, “пространство”. За вычетом “пространства”, это соотношение по сути является предикативностью в понимании В.В. Виноградова, а модальность – грамматикализированным отношением высказывания к действительности.

Именно в таком значении (и таком теоретическом контексте) мы понимаем модальность, а, с учетом высказанных замечаний, будем пользоваться термином “модус” и говорить о нем как обо всем спектре субъективных смыслов, которые могут существовать в высказывании и окружать его диктумное (пропозициональное) содержание.

Таким образом, модус и модальность объединяет лишь то, что они пришли в лингвистику из логики и характеризуют интерпретационную часть того, что сообщается. Данные понятия по-разному соотносятся между собой, что отображается в способах выражения субъективной позиции говорящего: модальность – одна из категорий, которая обозначает реальность или ирреальность отношений сообщаемого к действительности с точки зрения

субъекта и рассматривается во взаимосвязях с другими категориями модуса, а модус характеризуется как метакатегория, что центрирует разные модусные категории, объединенные по признаку субъективности.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / [Н. Д. Арутюнова; АН СССР, Ин-т языкознания]. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли; [пер. с 3-го франц. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель / ред., вступит. статья и примеч. Р. А. Будагова]. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая; [пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной]. – М.: Радуга, 1999. – 780 с.
4. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды: исследования по русской грамматике. – М.: Русский язык, 1975. – С. 58–87.
5. Вольф Е. М. Состояние и признаки. Оценки состояний / Е. М. Вольф // Семантические типы предикатов. – М., 1982. – С. 104–133.
6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / [отв. ред. Г. В. Степанов]. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
7. Грамматика русского языка: [в 2 т.] / Синтаксис; [ред. коллегия: акад. В. В. Виноградов, чл.-кор. АН СССР Е. С. Истрина]. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960. – Т. 2. – Ч. 2. – 440 с.
8. Грамматика современного русского литературного языка / [отв. ред. Н. Ю. Шведова]. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
2. Дешериева Т. И. О соотношении модальности и предикативности Т. И. Дешериева // Вопросы языкознания. – 1987. – № 1. – С. 34–45.
3. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / [под общ. ред. Г. А. Золотовой]. – М., 1998. – 528 с.
4. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
5. Ивин А. А. Некоторые проблемы деонтических модальностей / А. А. Ивин // Логическая семантика и модальная логика. – М., 1967. – С. 162–232.
6. Ивин А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. – 230 с.
7. Карнап Р. Значение и необходимость / Р. Карнап. – М., 1959. – 382 с.
8. Касаткин А. М. Выражение авторства модально-экспрессивных оценок в предложении: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. М. Касаткин. – М., 1986. – 22 с.
9. Клобуков Е. В. Падеж и модальность / Е. В. Клобуков // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст: Виноградовские чтения XII–XIII. – М., 1984. – С. 44–64.
10. Лекант П. А. Предложения с вводными конструкциями / П. А. Лекант // Современный русский литературный язык / [под ред. П. А. Леканта]. – М., 1982. – С. 325–327.
11. Лекант П. А. Синтаксис / П. А. Лекант // Краткий справочник по современному русскому языку / [под ред. П. А. Леканта]. – М., 1991. – С. 286–367.
12. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории / Т. П. Ломтев. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – 198 с.
13. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М., 1996. – 464 с.
14. Панфилов В. З. Взаимоотношения языка и мышления / В. З. Панфилов. – М., 1965. – 232 с.
15. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения / В. З. Панфилов // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 37–48.

16. Петров Н. З. О содержании и объеме языковой модальности / Н. З. Петров. – Новосибирск : Наука, 1982. – 161 с.
17. Русская грамматика : [в 2 т.] / [ред. коллегия : Н. Ю. Шведова и др.] / Синтаксис / [Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Ицкович и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 2. – 709 с.
18. Современный русский язык : [в 3 ч.] / Синтаксис. Пунктуация / [В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов]. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1987. – Ч. 3. – 256 с.
19. Солганик Г. Я. Стилистика текста / Г. Я. Солганик. – М., 1997. – 256 с.
20. Шаймиев В. А. Об иллокутивных функциях метатекста, или перечитывая А. Вежбицкую... (на материале лингвистических текстов) / В. А. Шаймиев // Лингвистическая парадигма конца XX в. : сборник трудов в честь С. Г. Ильенко. – СПб : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. – С. 68–76.
21. Шмелева Т. В. Модус и средства его выражения в высказывании / Т. В. Шмелева // Идеографические аспекты русской грамматики. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1988. – С. 168–202.
22. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис : текст лекций / Т. В. Шмелева. – 2-е изд. – Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1994. – 48 с.
23. Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности / Т. В. Шмелева // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М. : Изд-во Московского университета, 1984. – С. 78–100.
24. Шмелева Т. В. Субъективные аспекты русского высказывания : дис. в виде научного доклада ... д-ра филол. наук / Т. В. Шмелева. – М., 1995. – 35 с.
25. Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Сов. энциклопедия. – 1990. – 685 с.

Аннотация

Модус – комплекс таких субъективных смыслов, который может и должен выразить говорящий, вступая в тот или иной вид общения и становясь автором высказываний, построенных по законам данного языка. Однако разные виды субъективной квалификации сообщаемого выражает и одна из разновидностей модальности. В данной статье интересным представляется рассмотрение соотношения понятий “модус” и “модальность”.

Ключевые слова: высказывание, лингвистика, логика, модус, модальность, наклонение.

Анотація

Модус – комплекс таких суб'єктивних смислів, який може і повинен висловити мовець, вступаючи в той чи інший вид спілкування і стаючи автором висловлювань, побудованих за законами цієї мови. Проте різні види суб'єктивної кваліфікації повідомлюваного виражає й один із різновидів модальності. У даній статті цікавим видається осмислення співвідношення понять “модус” і “модальність”.

Ключові слова: висловлювання, лінгвістика, логіка, модус, модальність, спосіб.

Summary

Modus is a complex of subjective meanings, which can and should express the speaker, entering into one or another form of communication and becoming the author of statements constructed according to the laws of the language. However, different types of subjective determination, of what is informed, is expressed by one of the types of modality. This article presents an interesting review of correlation of the concepts “mode” and “modality”.

Keywords: expression, linguistics, logic, mode, modality, mood.